

9. Филиппова Н.А. Новая модель разграничения и децентрализации полномочий в системе российского федерализма: проблемы обеспечения интересов субъектов Российской Федерации. // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Выпуск 8 / 2008, Научная электронная библиотека Elibrary.ru. Электронный ресурс. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=11715823>.
10. Байматов П. Н. Проблемы разграничения компетенции между Российской Федерацией и ее субъектами при реализации конституционного права граждан на социальное обеспечение // Конституционное и муниципальное право. - 2014. - № 6.
11. Крылова Е.Г. Федерализм как демократическая территориальная организация правового государства // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 16.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

М.И. Харлова,
магистрант ИГиП ТюмГУ,
kharlova.m@mail.ru
Научный руководитель:
Р. Д. Шарапов,
и.о. заведующего кафедрой уголовного
права и процесса ИГиП ТюмГУ,
доктор юридических наук, профессор

Обязательным признаком отдельных составов преступлений в УК РФ 1996 г. (ст.ст. 151.1, 212.1, 264.1, 314.1) является административная преюдиция: деяние признается преступным, если до момента его совершения лицо установленное ранее количество раз в течение определенного законом периода привлекалось к административной ответственности за совершение тождественного (однородного) деяния.

Административная преюдиция достаточно широко использовалась в советском уголовном праве: так, в УК РСФСР 1960 г. в последней его редакции (ред. от 30.07.1996) 27 статей Особенной части содержали административную преюдицию. Однако, при составлении УК РФ 1996 г. законодатель отказался от конструирования составов преступлений с административной преюдицией.

Между тем, по прошествии 12 лет действия УК РФ 1996 г. законодатель все же вернул административную преюдицию в уголовное законодательство: Федеральным законом от 29.07.2009 № 216-ФЗ административная преюдиция была включена в ст. 178 «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции» (Федеральным законом от 08.03.2015 № 45-ФЗ такая форма недопущения, ограничения или устранения конкуренции, как неоднократное злоупотребление доминирующим положением, была декриминализована, вследствие чего из ст. 178 УК РФ также исчезла и административная преюдиция). Впоследствии уголовное законодательство дополнилось еще 4 составами преступлений с административной преюдицией – ст. 151.1 «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции» (введена Федеральным законом от 21.07.2011 № 253-ФЗ), ст. 212.1 «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования» (введена Федеральным законом от 21.07.2014 № 258-ФЗ) и ст. 264.1 «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию» (введена Федеральным законом от 31.12.2014 № 528-ФЗ); Федеральным законом от 31.12.2014 № 514-ФЗ посредством административной преюдиции был сконструирован состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, - неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений.

Политической предпосылкой возвращения административной преюдиции в уголовное право послужило, в частности, мнение Президента Российской Федерации Д.А. Медведева о необходимости ее восстановления [1]. Примечательно, что возвращению административной преюдиции в уголовное законодательство не предшествовала тщательная научная разработка этой проблемы. Скорее наоборот, возвращение административной преюдиции побудило научный интерес к данному правовому явлению, но, к сожалению, дискуссия чаще всего сводится к перечислению и сопоставлению аргументов «за» и «против» административной преюдиции, без анализа при этом ее сущностных свойств. Более того, несмотря на многолетнее существование административной преюдиции в советском уголовном праве, она также не была предметом пристального научного изучения. Возможно, вследствие «фрагментарности» научного

знания об административной преюдиции она вернулась в уголовное законодательство также в «фрагментарном» виде – точно и в противоречивых формулировках.

Полагаем, что внедрение в уголовное законодательство административной преюдиции без предварительного уяснения ее правовой природы и места в системе права может быть губительно, несмотря на все потенциальные преимущества ее использования. Необходима выработка единого концептуального подхода к административной преюдиции в уголовном праве, для того чтобы вновь внедряемые уголовно-правовые нормы с административно-преюдициальным условием были «работающими», системно и внутренне непротиворечивыми.

Термин «преюдиция» происходит от латинского «praedictum», то есть предрешение. Преюдиция имеет как свое процессуальное значение, предопределяя предмет и пределы доказывания, так и материальное значение, выступая в качестве приема юридической техники и инструмента правовой политики. Административная преюдиция в уголовном праве материальна и в этом значении она является юридическим фактом, средством уголовной политики и способом межотраслевой дифференциации юридической ответственности. А.И. Бойко отмечает, что административное и уголовное право – генетические родственники и конкуренты по управлению одновременно, обе эти отрасли предполагают обязательное параллельное существование друг друга, а преюдиция в таком случае может быть определена как способ верификации фактов, но не закона [2; 55,57]. Административная преюдиция - средство как гармонизации положений уголовного и административно-деликтного права, так и более четкого разграничения смежных составов преступлений и административных правонарушений за счет межотраслевой дифференциации юридической ответственности.

Использование административной преюдиции как средства уголовной политики криминологически обусловлено: установлены корреляционные связи между показателями преступлений и административных правонарушений, единство причин и условий, способствующих совершению преступлений и административных правонарушений, однотипная внутренняя мотивация их субъектов, тенденции «скатывания» личности от менее общественно вредных правонарушений к более общественно опасным [3]. По замечанию А.Г. Безверхова, конструируя составы с административной преюдицией, законодатель тем самым предупреждает и административные деликты, и смежные с ними уголовно наказуемые деяния, исходя из презумпции: превенция проступков есть не что иное, как предупреждение преступлений, равным образом как и наоборот [4; 49].

Административная преюдиция может быть использована как для криминализации деяний в тех случаях, когда карательного воздействия административного права оказывается недостаточным для предупреждения нарушения закона, так и для декриминализации – напротив, в случае отсутствия большой общественной опасности деяния и возможности его первоначального предупреждения административными мерами. В УК РФ 1996 г. посредством использования административной преюдиции частично декриминализованы недопущение, ограничение или устранение конкуренции (ст. 178 УК РФ (в редакции Федерального закона от 29.07.2009 № 216-ФЗ)), криминализированы розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции (ст. 151.1 УК РФ), неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования (ст. 212.1 УК РФ), нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 264.1 УК РФ), неоднократное несоблюдение лицом, в отношении которого установлен административный надзор, административных ограничений или ограничений (ч. 2 ст. 314.1 УК РФ).

Критериями криминализации и декриминализации являются как само деяние, так и его субъект. Криминализация в преступлениях с административной преюдицией происходит за счет признаков субъекта, а именно нарастающей общественной опасности личности, декриминализация – в отсутствие у типичного субъекта таких правонарушений (преступлений) склонности к повторению совершения общественно опасных деяний. В основании юридической ответственности и ее дифференциации лежат как «деяние», так и его «деятель», и необходимо соблюдать баланс между этими двумя равнозначными составляющими. Игнорирование законодателем криминальных особенностей «деятеля» негативно сказывается на решении задачи предупреждения правонарушений [5].

В настоящее время отличие между смежными административными правонарушениями и преступлениями чаще всего заключается в последствиях деяния – их наличии как обязательного признака состава преступления (правонарушения) либо их размера. Административная преюдиция как «мостик» между административным правонарушением и преступлением особенно необходима, когда речь идет о смежных составах правонарушений и преступлений, которые бывает так же трудно разграничить, как и продолжаемое правонарушение (преступление) и их совокупность.

В частности, зачастую трудно разграничить совокупность административных правонарушений в сфере экономики (в области охраны собственности, предпринимательской деятельности, финансов, налогов и сборов, страхования, рынка ценных бумаг) и единичное преступление в сфере экономики, составы

которых могут отличаться только лишь по сумме извлеченного дохода. Аналогичным образом трудно разграничить административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования и экологические преступления, поскольку криминообразующим признаком последних нередко являются оценочные понятия – тяжкие последствия, существенный вред, значительный ущерб и так далее. В такой ситуации продуманное введение в уголовное законодательство административной преюдиции способствовало бы разграничению смежных административных правонарушений и преступлений, укреплению системных связей административно-деликтного и уголовного права.

Видимо, вследствие того что объективная сторона преступления с административной преюдицией «дублирует» (но не включает) объективную сторону ранее совершенного административного правонарушения, дополняясь лишь признаком времени (для ст.ст. 151.1, 212.1 УК РФ – 180 дней с момента привлечения к административной ответственности, для ч.2 ст. 314.1 УК РФ – 1 год), в тексте действующего уголовного закона административная преюдиция получила свое языковое выражение посредством толкования в примечании к отдельным статьям УК РФ (ст.ст. 151.1, 212.1, 314.1) термина «неоднократно» («неоднократное»). Исключение составляет ст. 264.1 УК РФ, где административная преюдиция получила свое языковое выражение посредством указания на лицо, подвергнутое административному взысканию (без указания времени, прошедшего с момента наложения административного взыскания). В УК РСФСР 1960 г. административная преюдиция была более «внятно» выражена: во всех случаях указывалось на лицо, которое подвергалось административному взысканию в течение 1 года, либо на совершение деяния после наложения административного взыскания в течение 1 года (1 год - срок административной наказанности). «Советская» формулировка представляется более предпочтительной, поскольку она является более единообразной и делает акцент прежде всего на субъекте, вследствие нарастающей общественной опасности которого проступок преобразуется в преступление, а также данная формулировка не создает дополнительной терминологической путаницы с «многозначной» неоднократностью [6].

Обозначение законодателем административной преюдиции как неоднократности наводит на мысль об уголовно-правовых формах множественности. Без сомнений, речь идет не о форме множественности преступлений, но о разновидности множественности административных правонарушений, имеющей уголовно-правовое значение и являющейся средством межотраслевой дифференциации юридической ответственности и конструирования особого вида единичного преступления. Административная преюдиция – это своеобразный «межотраслевой» рецидив: преступление совершается в период административной наказанности, то есть в условиях сохранения правовых последствий совершения административного правонарушения. Кроме того, в действующем УК РФ административная преюдиция предусмотрена только лишь в преступлениях с умышленной формой вины, равно как возможен рецидив только умышленных преступлений. С неоднократностью как формой множественности преступлений административную преюдицию объединяет та особенность, что совершаются тождественные деяния.

Таким образом, административная преюдиция в уголовном праве – это комплексный правовой институт, взаимным образом сочетающий в себе административно-деликтное и уголовно-правовое начала. Многоаспектность административной преюдиции заключается в том, что она одновременно может быть определена как: 1) юридический факт, устанавливающий причинно-следственные связи между административно-деликтным и уголовным правом; 2) средство юридической техники (способ конструирования составов преступлений посредством административно-преюдициального условия); 3) способ межотраслевой дифференциации юридической ответственности и повышения согласованности положений двух указанных «охранительных» отраслей права и законодательства; 4) средство предупреждения совершения преступлений и административных правонарушений, инструмент криминализации и декриминализации; 5) межотраслевая форма множественности правонарушений, имеющая уголовно-правовое значение.

Более тщательное исследование каждого из вышеуказанных значений административной преюдиции в уголовном праве позволит предвосхитить вопросы правоприменительной практики, оптимальным образом восстановить институт административной преюдиции в уголовном праве в его целостном и непротиворечивом виде и сделать шаг к укреплению законности и правопорядка в Российском государстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

1. Заключительное слово на заседании президиума Государственного совета «О состоянии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» // URL: <http://kremlin.ru/transcripts/3149> (дата обращения: 09.01.2015); Послание Федеральному собранию Российской Федерации // URL: <http://kremlin.ru/transcripts/5979> (дата обращения: 27.03.2015).
2. Бойко А.И. Есть и иное мнение // Библиотека криминалиста. 2013. № 2 (7). С. 51-60.
3. Фризен П.Д. Административно-правовое предупреждение отдельных видов преступлений: автореф. дис...канд. юрид. наук // URL: <http://www.dissercat.com/content/administrativno-pravovoe-preduprezhdenie-otdelnykh-vidov-prestuplenii> (дата обращения: 27.03.2015).
4. Безверхов А.Г. Возвращение «административной преюдиции» в уголовное законодательство России // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 48-53.
5. См.: Безверхов А.Г. Указ соч.; Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности // Журнал российского права. 1998. № 9. – URL: http://www.juristlib.ru/book_855.html (дата обращения: 27.03.2015).
6. См.: Кострова М.Б. Языковое выражение административной преюдиции в уголовном законе: прошлое, настоящее, будущее // Библиотека криминалиста. 2013. № 2 (7). С. 149-159.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАН, ПОДВЕРГШИХСЯ ВОЗДЕЙСТВИЮ РАДИАЦИИ ВСЛЕДСТВИЕ КАТАСТРОФЫ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АТОМНОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ

К.И. Чумакова,
студентка ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
chk_steady@mail.ru
Научный руководитель:
Т.А. Анбрехт,
доцент кафедры трудового права и
предпринимательства ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент

Авария на Чернобыльской атомной электростанции (далее – АЭС) рассматривается как экстраординарная по своим последствиям техногенная авария XX века, которая привела к неисчислимым экологическим и гуманитарным потерям. В результате были существенно нарушены не только право на благоприятную окружающую среду, но и, как следствие этого, другие конституционные права и интересы граждан [1], связанные с охраной жизни, здоровья, имущества, а также право на свободное передвижение и выбор места пребывания и жительства, которые ущемлены столь значительно, что причиненный вред оказался реально невозможным [2].

Закон Российской Федерации от 15 мая 1991 "О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС" (далее – Закон) [3] является правовой основой для возмещения государством ущерба в виде денежных и других материальных компенсаций и льгот за последствия крупнейшей по масштабам радиационного загрязнения биосферы экологической катастрофы.

Обязанность государства по возмещению вреда посредством установления Законом денежных и других материальных компенсаций и льгот вызвана также фактической невозможностью возмещения вреда в обычном судебном порядке, которое должно было бы обеспечить потерпевшим восстановление их нарушенных прав [4].

Одним из важнейших факторов при принятии решения о необходимости социальной помощи гражданам является уровень радиоактивного излучения в той области, где они постоянно проживают или осуществляют трудовую деятельность.

При наличии у гражданина Российской Федерации права на возмещение вреда и меры социальной поддержки, предусмотренные настоящим Законом, по различным основаниям ему возмещается вред и предоставляются меры социальной поддержки, предусмотренные по всем имеющимся основаниям. При этом одинаковый вред возмещается, а одинаковые меры социальной поддержки предоставляются гражданину Российской Федерации только по одному из оснований по его выбору.